

Влияние экономической свободы на формирование человека
информационного общества в работах Д. Харви

Основной идеей статьи является раскрытие представлений об экономическом человеке в трудах Дэвида Харви. В работе рассматриваются основные идеи о человеке и его поведении в информационном обществе. Основное внимание авторы уделяют проблеме свободы поведения индивида в условиях «экономики знания». Поднимаются проблемы распространения свободы на процессы потребления, труда и предпринимательства под влиянием неокapитализма, ставшего основной идеологической концепцией современной экономики.

Ключевые слова: информационное общество, информационный человек, экономический человек, свобода потребления, неолиберализм, постиндустриализм.

Дэвид Харви является одним из теоретиков постиндустриального общества, выступающий с позиции неомарксизма. Поддерживая идею Г. Шиллера, он соглашается, что современный этап развития общества и экономики не стал чем-то новым. Информационное общество лишь вымысел, ведь в мире сохраняется капитализм, принимающий новую форму. Часто употребляемый термин «экономика знаний» рассматривается им без привязки к современному периоду, так как, по его мнению, никогда не существовало экономики, основанной на незнании [1, с. 19]. Знание всегда являлось основой капитализма и любой экономической деятельности. Развиваемые идеи интеллектуального или символического капитала легко вписываются в марксистскую теорию, ведь товар - это символ, символ стоимости. Соответственно, представления о символической части товара легко интегрируются в марксистскую теорию.

Харви придерживается идеи о том, что современный человек живет в изменившемся мире, по этой причине можно говорить о постсовременности как об обществе, отличающемся от существовавшего ранее. Но при этом возникают сомнения: можно ли использовать для объяснения происходящих социальных процессов категории ортодоксальной социологии? [2, с. 310].

Харви соглашается с идеей Карла Поланьи, считавшего, что в современном мире меняется многое, в том числе и наполнение термина «свобода» становится все более противоречивым, неоднозначным. Но именно свобода становится тем стимулом, который побуждает индивида к действию. Современная идея свободы в большинстве своем сводится к свободе предпринимательства. Полноту свободы получает тот, у кого есть доход, безопасность и свободное время. Тот же индивид, который пытается посредством своих прав, дарованных демократией, добиться защиты от действий собственников, получает лишь частичную свободу. Так, Харви считает, что для современного американца термин «свобода» становится столь многогранным, что выступает как универсальный механизм, позволяющий идеологически воздействовать на широкие массы и оправдывать им все свои действия.

Стоит отметить, что идея личной свободы не всегда совместима с идеей социальной справедливости. Реализация социальной справедливости граничит с общественной солидарностью и готовностью пожертвовать индивидуальными желаниями, потребностями, стремлением ради общего дела. Как видно, задачи общественной справедливости и личной свободы с трудом сочетаются на заре неолиберализма. Со-

циальная солидарность в любой форме должна была бы исчезнуть, уступив место индивидуализму, личной ответственности, частной собственности, семейным интересам.

Неолиберальные идеи, базирующиеся на идее личной свободы, обладают высоким потенциалом, противопоставляя, с одной стороны, многокультурность, свободолобие, индивидуальную политику и консюмеризм, а с другой стороны - общественные силы, стремящиеся к формированию социальной справедливости посредством захвата государственной власти. Однако нельзя считать, что данные разногласия являются совершенно непреодолимыми. Но одновременно их достаточно легко усугубить, сделав непримиримыми.

Начиная с 1970-х годов, крупные западные корпорации вступили в союз с государством, ведущим политику интервенционализма. При этом подавлялись личные свободы, не реализовывалась социальная справедливость. У значительной части населения деятельность государства и корпораций вызывали неприязнь. К такому положению западную цивилизацию подтолкнули деструктивная деятельность, нерешенные социальные проблемы, проблемы неоднородности общества, а также стремление к насаждению бездумного консюмеризма, ограничение возможностей и личных свобод.

Возникшие трудности могли быть решены за счет использования идеи свободы, когда в борьбе против чрезмерного вмешательства капиталистический класс мог бы упрочить свою позицию, а неолиберализм послужить соответствующей идеологической опорой. В качестве базы нужна была стратегия, которая утверждала важность свободы потребительского выбора. И даже сама эта свобода должна была позиционироваться не как возможность выбора отдельных благ, а как потенциал для определения собственного стиля жизни, культурной активности, самовыражения. Таким образом, свободы выходили за пределы экономики и искали поддержку в культурной среде. Но даже насаждение новых культурных ценностей и свобод не решило многих проблем, среди которых проблема классового влияния и классовой власти, оказывающих непосредственное влияние на человека.

Харви считает, что сам термин «класс» становится несколько размытым. Победа неолиберализма и подавление выступлений достигались методом кнута и пряника. Например, чтобы сломить командный дух, в коллективе отдельным работникам предлагалась система индивидуальных поощрений. Профсоюзы стали неэффективной структурой в условиях роста бюрократии и формирования новых жестких правил. Хотя зачастую недостаток гибкости играл как против работников, так и против капитала [1, с. 29].

Понятие гибкости становится главным паролем в отношении рынка труда. Ряд реформистов выступали за так называемую гибкую специализацию как способ движения вперед. От этого изменения часть трудящихся может извлекать выгоду, возникающую вследствие асимметричности информации и влияния, совмещаемой с низкой мобильностью трудовых ресурсов. Однако остальные работники автоматически остаются в невыгодной позиции.

Но гибкая специализация вполне удачно подходит капиталу, получающему выгоды от удобного способа обеспечения универсального средства накопления. Фактически же последствиями изменений становятся снижение зарплат, рост нестабильности рынка труда, оказывающих пагубное воздействие на работников.

Выход был найден через распространение идеи свободы выбора в трудовых отношениях, ставшей благом и для капитала, и для работника. Представленная кон-

цепция стала частью системы эксплуатации, обеспечивающей гибкость накопления. По этой причине, начиная с 70-х годов, наблюдалось замораживание или даже сокращение заработных плат, а также уменьшение различных льгот и выплат. При этом неolibеральная теория позиционировала безработицу как личный выбор человека, который самостоятельно выбирает минимальный размер оплаты собственного труда. Определение данного уровня также сопряжено с уровнем социальных выплат со стороны государства. Соответственно, если предлагаемая заработная плата ниже заданного уровня, то индивид отказывается от работы вообще. Но в контексте сужающегося объема личных ресурсов, извлекаемых индивидом на рынке труда, переложение ответственности на граждан дает разрушительный результат [3].

Фактически насаждение рынка приводит к конфликту с идеалами личной свободы. Неolibерализм все больше склоняется к авторитаризму, что противоречит основным принципам свободы. Это противоречие подкрепляется разрастанием асимметрии власти между корпорациями и частными лицами. Фактически получается, что корпоративная власть присваивает ранее заявленные свободы, а это противоречит основным принципам неolibерализма. Причем эта ситуация распространяется как на деятельность человека в рабочее время, так и на частную жизнь.

Также Харви обращает особое внимание на процедуры потребления. Так, в городах начинает развиваться новая культура потребления, отличительной чертой которой становится усиление неравенства доходов, выражаемое в появлении охраняемых и огораживаемых районов и жилых комплексов. В этих условиях каждый стремится преуспеть в борьбе за лучшие условия, которую автор сравнивает с естественным отбором Дарвина. По сути, все происходящие изменения привели к росту диверсификации потребления, а «возрождение» отдельных кварталов стало играть заметную роль и принесло немалые прибыли. Индивид начинает воспринимать городские власти не как структуру управления, а как одного из субъектов предпринимательства, что вполне логично, исходя из сложившихся условий и поведения.

Господствующей становится следующая установка: личная и индивидуальная свобода должны гарантироваться самим рынком. А граждане принимают на себя ответственность за собственное благополучие и реализуемые действия. Даже в сферах социального обеспечения, образования, медицинских услуг, пенсионных выплат должен сохраняться данный принцип. Следовательно, индивидуальный успех или неудача должны рассматриваться как эффективность или неэффективность реализации предпринимательских способностей и не являться недостатком системы.

В результате человек стал жить в условиях неиссякаемого объема благ, однако потеряв при этом многих ценностей, полученных в результате многолетней классовой борьбы, таких как государственные пенсии, оплачиваемые отпуска, доступность образования и здравоохранения. Потеря социальной защиты в развитых капиталистических странах оказала особенно негативное воздействие на женщин из низких социальных слоев.

Активное вымывание трудоспособного населения из сферы занятости привело к формированию нового вида работников, который Харви называет «одноразовыми рабочими». Для некоторых из них мобильность рынка стала преимуществом. Даже, если это не приносит материальной выгоды, свобода смены работы сама по себе рассматривается как преимущество. Те, кто способен вести переговоры на рынке труда, приносит огромные выгоды капиталистической культуре потребления. Однако эта культура приводит к постоянной игре с желаниями, где формируется собственный индивидуализм, создающий мир псевдодовольствий.

Рассматривая особенности проживания человека в условиях информационного общества, Д. Харви уделяет особое внимание урбанизации, проявляющейся в «урбанизации капитала» специфическим образом [4, с. 78].

Классовый характер капитализма определяет способ присвоения и дробления прибавочного продукта во взаимно непримиримые формы капитала и труда. Также капитализм определяет способ и значение мобилизации, производства, присвоения и поглощения экономического прибавочного продукта.

Многочисленные роли, играемые людьми в урбанизированном обществе, приводят к разрастанию всех видов стрессов и напряженности отношений, а также получению внешних сигналов индивидуальных и коллективных конфликтов. Но урбанизация также выступает и как способ человеческой организации во времени и пространстве, способный охватить все конфликтующие силы. Этот процесс может быть мобилизован в конфигурации, поддерживающей капитализм. Так, конкуренция между городами выступает одним из факторов в эволюции капитализма, играющего не последнюю роль в условиях неравномерного географического развития. Ее можно было бы назвать потенциально гармоничной, если бы «скрытая рука» рынка Адама Смита смогла трансформировать эгоизм и амбиции в глобальный социальный результат. Но в реальной жизни этого не произошло.

Таким образом, в работах Д. Харви прослеживается трансформация понимания свободы в неолиберальной экономике информационного общества. Понимание свободы сводится к возможности человека выбирать псевдонеобходимые товары, развивая консюмеризм у широких масс населения. Свобода выбора как одна из основных черт экономического человека остается неотъемлемой частью образа жизни современного индивида, затрагивая все стороны его деятельности, от выбора места работы и оплаты труда до выбора места жительства и образа жизни.

Литература

1. Харви Д. Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2(6). 2006. С. 8-57.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
3. Харви Д. Неолиберальная урбанизация: Лекция // <http://www.inop.ru/reading/pagel40/>.
4. Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007.